

Эльфрида Яновна Пакуль

Кандидат в депутаты Совета Национальностей
от Сталинского избирательного округа гор. Риги

Облитый голубым и неживым светом луны он лежал перед ее глазами — великий город, в котором, вот уже второй год, каждая улица была траншеей и каждый прожитый день — подвигом. Черными окаменелыми громадами высились силуэты домов. По прямым пустынным и вымершим улицам гулял бесприютный ветер. Казалось, жизнь давно оставила этот город и никогда не вернется сюда.

— Зачем они приехали в этот замерший, ослепший и оглохший от канонады город? Кому нужны сейчас здесь ее песни? — эти мысли на минуту зашевелились в ней. Но утром она увидела чудо. Город воскрес, а если пристальной присмотреться, оказывалось, что он ни на минуту и не умирал. Она видела, как худые и бледные от долгого недоедания люди упрямо становились к станкам, она видела детей, шагающих в школу, пожилых женщин на крышах домов, зорко всматривающихся в темноту холодного неба, и бойцов, пешком направляющихся на фронт, что проходил у самой городской заставы.

Здесь, в осажденном Ленинграде, поняла она, что нет для художника выше счастья и благородней задачи, чем искусством своим служить народу.

Она выступала в рабочих клубах, пела в палатах госпиталей, на военных кораблях, в больших блиндажах у переднего края. Ее слушали люди, только что чудом спасшиеся от немецкого снаряда, разорвавшегося у людной трамвайной остановки, люди, давно забывшие ощущение полной сытости, люди, полчаса тому назад вернувшиеся из даль ей разведки и еще дышавшие азартом боя. Она пела оперные арии, пела народные песни на родном латышском языке, и долгая, все нарастающая буря аплодисментов возникала после каждого исполненного ею номера.

Куда бы ни приезжала она, всюду ее встречали как дорогую, желанную и любимую гостью. Нет, не гостью, а подругу, сестру! И это ощущение кровной близости, тесного родства с героическими защитниками Ленинграда наполняло ее чувством какой-то новой, еще не испытанной гордости. И ей хотелось так петь этим людям, как никогда она еще не пела.

В эти дни в Ленинграде она не раз припоминала весь свой жизненный путь, свою дорогу в искусство.

С детских лет проснулась в ней эта горячая страсть к пению. Она пела так же, как поет соловей, как дышит человек, повинувшись своей органической потребности. В восемнадцать лет началась для нее серьезная музыкальная школа. Но целых восемь лет после того не решалась она выступить публично. Нет, это не была робость дебитантки или неверие в собственные возможности. Просто, к тому времени она имела случай ознакомиться с записанными нравами буржуазной Латвии, и ей стало ясно, что одним искусством, одним талантом не пробьешь себе дороги на большую сцену. А четко осознанного чувства возможности своим искусством служить родному народу, представления о большом и важном месте художника в жизни общества у нее не было; да пожалуй и не могло быть тогда.

Настоящая ее биография артистки начинается с лета 1940 года, когда у власти в Латвии стал народ и для каждого человека открылась возможность применения всех своих талантов и дарований...

И вот, в осажденном, заснеженном Ленинграде, который чем-то так напоминал ей родную красавицу Ригу, она снова и снова перебирала в памяти события этих последних больших и трудных лет. Она вспоминала первое свое триумфальное выступление в «Травяте» на сцене Государственного театра оперы и балета, поездку в Москву, страшную весть о захвате немцами

Риги, эвакуацию в Иваново, снег, мороз, непомерно большие валенки на ногах и путешествия на машине и просто на розвальнях по городам и селам Ивановской области, с концертными выступлениями.

Из Ленинграда она вернулась обогащенная большим и новым жизненным опытом. Она много потом ездила по городам Урала, с большим успехом выступала по радио и в лучших концертных залах Москвы, но наиболее яркий и неизгладимый след в ее жизни оставили две поездки: в Ленинград и на фронт к бойцам и офицерам Латышской стрелковой дивизии.

Впервые она попала в дивизию в мае 1943 года. Это было под Старой Руссой. Когда она вошла в тесный круг бойцов, посмотрела на этих обветренных парней из Риги, Лепая, Валки, Елгавы, из городов Видземе и сел Латгалии, на нее вдруг пахнуло свежим, родным ветром Балтики, что широко гуляет по просторным улицам Риги. Далекая, до боли любимая родина, смотрела на нее глазами бойцов, и Эльфрида Яновна не смогла удержать слез.

Потом она пела... Надо ли говорить с какой силой и страстью звучал ее голос, какая в нем была тоска по милой далекой родине! Стоит ли говорить как слушали ее бойцы и офицеры!

Недавно на собрании работников Рижского морского порта, где выдвигалась кандидатура Эльфриды Пакуль в депутаты Верховного Совета, выступил бывший боец Латышской гвардейской дивизии. Он сказал: «Я помню выступление Эльфриды Пакуль у нас в части, на передовых. Где-то неподалеку ухали пушки, то и дело трещал пулемет, а мы, забыв обо всем, слушали чудесные народные латышские песни, и каждый вспоминал родной дом и хутор, и такая любовь к родной земле поднималась в сердце каждого солдата, такая ненависть к врагам, топчущим эту землю, что руки сами тянулись к автомату».

Эта поездка в Латышскую дивизию обострила в артистке желания внести и свою долю в святое дело борьбы с врагом, в дело освобождения от захватчиков родной земли. Она принимает участие в радиопередачах для Латвии, которые тогда вели Московские радиостанции. И где-нибудь за тысячу километров, надежно укрывшись от глаз немецких ищеек, слушали Москву, слушали Эльфриду Пакуль люди на латвийской земле.

Несмотря на все трудности тех лет, она непрерывно и систематически, упорно и настойчиво работала над собой. Она пользовалась для этого каждым свободным днем, каждым часом. Она старательно шлифовала свой талант, чувствуя, как нужен он народу. Дружеское и творческое общение с виднейшими художниками советской страны, по-братски принявшими молодую латышскую артистку, обогащает ее искусство.

...И вот наступает день, когда поезд медленно подходит к перрону Рижского вокзала. — Родина моя, Рига, красавица моя, здравствуй! Какое это большое счастье вновь увидеть широкий синий простор Даугавы и режущий небо острый шпиль старого замка и все те же деревья на вершине Бастионной горки! Какое это большое, ни с чем не сравнимое счастье увидеть свой народ, навсегда освобожденным от векового немецкого ига, вновь и навсегда хозяином своей земли и судьбы!

Она покидала родной край молодой, еще только выходившей на широкий путь певицей, а вернулась сюда большой и признанной артисткой, зрелым гражданином своего великого отечества, с ясным сознанием своего гражданского патриотического долга перед Родиной, перед народом. И она с честью выполнит этот долг!

В. Янин.